

ПРАВО УМЕРЕТЬ

ГЛАВА 1

Ему не было назначено, и, глядя на стоявшего на пороге посетителя, я понимал, что он вряд ли принесет нам самый крупный гонорар за 1964 год. Но когда этот человек сказал, что его фамилия Уиппл и он хочет проконсультироваться с мистером Вулфом, я впустил его и провел в кабинет, потому что после долгого скучного дня было бы даже приятно получить от недовольного нарушением заведенного порядка Вулфа свирепый взгляд, а также потому, что наш посетитель был черным. Насколько мне было известно, в ходе жаркой кампании за гражданские права афроамериканцев почему-то не говорилось о праве консультироваться с частным детективом. Хотя почему бы и нет. Поэтому я не стал спрашивать, какими судьбами он оказался здесь. Когда я усадил его в красное кожаное кресло, стоявшее у письменного стола Вулфа, посетитель, оглядевшись по сторонам, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я сказал, что Вулф спустится через десять минут, в шесть вечера, и посетитель кивнул:

— Я знаю. Орхидеи.

Услышав звук спускающегося лифта, я развернулся лицом к двери. Вулф вошел в кабинет, но, заметив человека в кресле, остановился и наградил меня свирепым взглядом, одним из лучших в его арсенале. Я ответил не менее свирепым взглядом.

— Мистер Уиппл, — объявил я. — Пришел проконсультироваться.

Вулф продолжал сердито щуриться. Он явно решал, что ему делать: то ли уйти на кухню, то ли разораться. Но он всего лишь нахмурился и спросил почти нормальным голосом:

— Уиппл?

— Да, сэр.

Вулф повернулся, чтобы посмотреть на посетителя, обогнул свой письменный стол, сел в свое огромное кресло и хмуро посмотрел на посетителя:

— Итак, сэр?

Мужчина сдержанно улыбнулся:

— Я собираюсь произнести речь. — Он прочистил горло и слегка наклонил голову. — Соглашения человеческого общества касаются не только убийств, но и тысячи других вещей. Совершенно очевидно, что в Америке — не говоря о других странах — белые лишили черных некоторых преимуществ этого соглашения. Можно еще сказать, что это лишение преимуществ распространяется в некоторых случаях даже на убийства, — например, в некоторых районах нашей страны белый может убить черного если не совершенно безнаказанно, то по крайней мере с большими шансами избежать положенной законом кары. Это плохо. Это прискорбно, и я не обвиняю чернокожих, что они отрицают правильность этого. Но когда вы сталкиваетесь с фактом, а не с теорией, что вы можете предложить, чтобы изменить это? — Он взмахнул рукой. — Я, пожалуй, кое-что пропущу и пойду дальше. Если вы прикрываете его, потому что он черный, можно сказать многое. Вы этим только упрочиваете ту несправедливость, против которой сами по праву выступаете. Идеальное соглашение между людьми — это такое, в каком различия расы, цвета кожи или религии совершенно не имеют значения. Любой, поддерживающий эти различия, выступает, таким образом, против идеа-

ла, а вы, конечно, поддерживаете его. Если в деле об убийстве вы в своих действиях...

Посетитель продолжал говорить, но я уже не слушал. И только смотрел на него невидящими глазами. Я вдруг перенесся на много лет назад и оказался поздно ночью в маленькой комнате в павильоне «Апшур» на курорте Канова-Спа в Западной Виргинии¹. Вулф сидел в кресле, слишком узком для его туши весом одна седьмая тонны, лицом к аудитории из четырнадцати цветных мужчин — поваров и официантов, — усевшихся прямо на полу. У одного из них, насколько мы знали, имелась важная информация об убийстве, и Вулф битых два часа пытался определить, у кого именно, но безуспешно. Примерно в два часа ночи Вулф, попробовав зайти с другого бока, произнес длинную речь, что сразу сработало. Речь произвела такое сильное впечатление на двадцатидвухлетнего студента Говардского университета, некоего Пола Уиппла, что он выложил все как на духу. И вот теперь мужчина, сидевший в красном кожаном кресле, слово в слово воспроизводил отрывки из той памятной речи Вулфа.

Я снова перенесся из павильона «Апшур» в кабинет. Должен был я узнать посетителя? Нет. Тогда он был молодым, стройным, с худым лицом. Теперь же я видел перед собой средних лет мужчину, уже начинающего лысеть, с обвисшими щеками, в очках в черной оправе. Хотя при имени Уиппл у меня в голове должен был прозвенеть звоночек, но этого не случилось. А вот у Вулфа он прозвенел. Что мне не слишком понравилось. Я готов признать, что, в отличие от меня, он гений, но в том, что касается памяти, я ничего признавать не готов.

---

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Слишком много поваров». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Уиппл остановился на середине фразы. В ту ночь именно на этом месте он перебил Вулфа. Затем с улыбкой посмотрел на меня, после чего обратил улыбку Вулфу.

— Мистер Уиппл, у вас хорошая память, — проворчал Вулф.

— Не совсем так, — покачал головой Уиппл. — Не всегда. Но эта речь стала поворотным моментом в моем образовании. И я записал ее в ту ночь. Если бы у меня была хорошая память, я бы лучше справлялся со своей работой.

— А что у вас за работа?

— Я старший преподаватель в Колумбийском университете. И, боюсь, это мой потолок.

— Антропология?

У посетителя округлились глаза.

— Боже правый, ну и память! Так вы и это помните?

— Конечно, вы тогда об этом говорили. — Вулф сделал недовольное лицо. — Сэр, вы загнали меня в угол. Я знаю, что я ваш должник. Если бы не вы, я застрял бы там на несколько дней, а может, и недель. И вы, конечно, потешили мое самолюбие, слово в слово повторив столь длинную речь. Итак, зачем я вам понадобился?

— Звучит резковато, но вы всегда были слишком резким. Да, вы мне нужны. — Посетитель улыбнулся, уже не так натянуто. — Мне нужна помощь в одном весьма конфиденциальном вопросе, и я решил обратиться к вам. Сомневаюсь, что смогу заплатить ваш обычный гонорар, но я заплачу.

— Это подождет. Я ведь сказал, что я ваш должник. Ваша проблема?

— Она... очень личная. — Уиппл пожевал губами, посмотрел на меня, затем — на Вулфа. — Кстати, она некоторым образом связана с тем, что вы сказали той ночью. Именно поэтому я и процитировал вашу речь. У меня есть

сын Данбар. Ему двадцать три года. Помните, вы тогда еще цитировали Пола Лоуренса Данбара?

— Конечно.

— Ну вот. Мы назвали нашего сына Данбаром. Он хороший мальчик. Конечно, у него есть свои недостатки, но в целом он очень хороший мальчик. Он работает в КЗГП. Вы знаете, что такое КЗГП?

— Комитет по защите гражданских прав, — кивнул Вулф. — Я делал им небольшие пожертвования.

— Почему?

Уголок рта Вулфа слегка пополз вверх.

— Оставьте, мистер Уиппл. Вам нужна еще одна речь для цитирования?

— Я мог бы ее использовать. Мои люди могли бы. Мой сын мог бы. Он хороший оратор. Но именно из-за него... Он и есть моя проблема. Точнее, у него проблема. Он связался с белой девушкой и собирается на ней жениться. И я не могу отговорить его от этого шага. Мне нужна помощь.

На лице Вулфа появилась недовольная гримаса.

— Только не моя! — твердо заявил он.

— Нет, я отнюдь не прошу вас с ним поговорить. Я прошу выяснить, что с ней не так.

— За исключением врожденных и универсальных недостатков, присущих ее полу, с ней все должно быть нормально.

— Однако с ней что-то явно не так, — выразительно поднял брови Уиппл. — Она — я сейчас говорю не как антрополог — из хорошей семьи. Она молода, красива, финансово независима. Для нее выйти замуж за афроамериканца — полный абсурд. Очевидно...

— Мой дорогой сэр, я не буду произносить еще одну речь. Лишь процитирую Бенджамина Франклина. «Чело-

век, поддавшийся страсти, едет верхом на необъезженной лошади». И приведу старинную латинскую поговорку: *Ex visu amog*. Любят глазами. Пф! В природе ничего не бывает абсурдным, хотя многое прискорбно.

— Это не имеет отношения к делу.

— Неужели?

— Да, — улыбнулся Уиппл. — Помните, когда вы спросили меня, сколько мне лет, и я ответил: «Двадцать один», Моултон сказал мне, что нужно говорить «сэр». Страсть или любовь — не вопрос. Белая женщина, которая встречается с чернокожим и даже ложится с ним в постель... В этом нет ничего абсурдного. Но только не брак. И я говорю: если эта Сьюзан Брук хочет выйти замуж за моего сына, с ней что-то не так. У нее явно не все дома. Вероятные трудности, преграды, неловкие ситуации, осложнения... Думаю, нет нужды вам это перечислять.

— Да.

— Она навряд ли станет ему хорошей женой, что ясно как день. С ней явно что-то не так. Темное пятно в ее прошлом или психологические изъяны. Если я смогу выяснить, в чем дело, то расскажу своему сыну. Он не дурак. Но искать то, не зная что... Нет, я для этого не подготовлен. А вот вы — да. — Он всплеснул руками. — Потому я здесь.

— Расовая гордость, — отчетливо произнес Вулф.

— Что! У кого?

— У вас, конечно. Вы, должно быть, не в курсе...

Уиппл начал вставать с кресла. Поднявшись, он скосил полуприкрытые глаза на Вулфа:

— Я не расист. И вижу, что совершил ошибку. Не думал...

— Вздор! Садитесь. Ваша проблема...

— Все, забудьте. Забудьте о моем существовании. А мне следовало давно забыть о вас. Обвинить меня...

— Проклятье! — зарычал Вулф. — Садитесь сейчас же! Антрополог, отрицающий расовую гордость?! Вам бы следовало знать. Если вы антропос, значит расовая гордость у вас определено есть. Мое замечание не было обидным, но я беру его обратно, потому что оно было бессмысленным. Вы решили действовать, а чем именно вы руководствовались, несущественно. Лично я руководствовался тем, что я ваш должник, а так как вы потребовали вернуть вам долг, я заплачу.

— Полагаю, я слишком чувствительный, — сказал Уиппл, сев на место.

— Итак, комментарий насчет женитьбы. Не исключено, что мисс Брук более реалистично смотрит на вещи, чем вы. Возможно, она достаточно умна, чтобы понять: за кого бы она ни вышла замуж, проблем в любом случае избежать не удастся. Трудностей, преград, неловких ситуаций, осложнений — я лишь повторяю ваши собственные слова, хотя выбрал бы более сильные выражения, — избежать не удастся. Если выйдет замуж за одного с ней цвета кожи, то основания для этого могут быть самыми жалкими, постыдными, унижительными и скучными. Если она выйдет за афроамериканца, то эти основания могут быть весомыми, достойными, закономерными и занимательными. Мне не приходилось встречать столь здравомыслящих женщин, но одна, быть может, и найдется. А что, если это и есть мисс Брукс?

— Нет, сэр, — покачал головой Уиппл. — Мысль, конечно, глубокая. Хотя это всего лишь пустые разговоры. Мой отец так отзывался о тех, кто умел красиво говорить: «Он управляется со словами, как с необъезженной лошадью». Нет, сэр.

— А вы, похоже, на этом зациклились.

— Да. Если вы именно так ставите вопрос, то да.

— Очень хорошо. Вы помните мистера Гудвина?

Уиппл бросил на меня короткий взгляд:

— Конечно.

— Вы можете устроить ему встречу с мисс Брук? Возможно, ланч или обед с вами, вашим сыном и с ней? Под благовидным предлогом.

На лице Уиппла появилось сомнение.

— Боюсь, это невозможно. Она знает, что я... Короче, она знает, как я к ней отношусь. А мистери Гудвину обязательно встречаться с мисс Брук? И с моим сыном тоже?

— Присутствие вашего сына совершенно необязательно. А вот мисс Брук — да. Я не смогу двигаться дальше, пока мистер Гудвин не познакомится, не пообщается и, если удастся, не потанцует с ней, после чего сможет дать мне отчет. Этого, возможно, будет достаточно. Возможно, будет достаточно и того, что он, питая слабость к привлекательным молодым женщинам, отлично в них разбирается и умеет входить к ним в доверие. — Вулф повернулся ко мне. — Арчи, предложения имеются?

— Конечно, — кивнул я; что ж, Вулф сам напросился. — Итак, я с ней знакомлюсь, прощупываю ее, понимаю склад ее характера, вхожу к ней в доверие, привожу ее сюда, устраиваю в Южной комнате, затем вы ее соблазняете и женитесь на ней. Что касается трудностей, преград, неловких ситуаций, осложнений...

— Мистер Гудвин! — не выдержал Уиппл. — Если вы способны шутить на эту тему, то я определенно нет.

Наши глаза встретились.

— Мистер Уиппл, я от вас этого и не жду. Я просто отреагировал на шутку мистера Вулфа насчет меня и привлекательных молодых женщин. Но мне определенно придется встретиться с мисс Брукс. Вулф никогда не выходит из дому по делам. Насколько это срочно? Они уже назначили дату свадьбы?

— Нет.

— А вы уверены, что они еще не поженились?

— Абсолютно уверен. Мой сын на такое не способен. Они никогда ничего не скрывают ни от меня, ни от своей матери.

— А ваша жена вас в этом поддерживает?

— Да. Абсолютно. — Посетитель повернулся к Вулфу. — Вы сказали, ваше замечание насчет расовой гордости было бессмысленным, но вы почему-то его сделали. Что касается моей жены, к ней оно вполне применимо. Можно ли назвать расовой гордостью желание, чтобы ее сын женился на девушке, на женщине, с которой ей удастся стать друзьями? Настоящими друзьями. Я спрашиваю вас как афроамериканец, как мужчина и как антрополог: может ли она рассчитывать на настоящую семейную близость с белой женщиной?

— Нет. Впрочем, как и на близость с цветной женщиной, доведись той стать вашей невесткой. Однако вы действительно на этом зациклились. — Махнув рукой, Вулф бросил взгляд на настенные часы: до обеда оставалось сорок минут. — Поскольку предложение мистера Гудвина мало реалистично, давайте попробуем найти что-нибудь другое. Расскажите мне все, что знаете о мисс Брук.

Я достал блокнот.

На все про все ушло не более получаса, и, когда я вернулся в кабинет, проведив Уиппла в прихожую и закрыв за ним входную дверь, до обеда оставалось еще десять минут. Вулф сидел, уставившись на закрытую книгу, которую держал в руках, и плотно сжав губы. Ведь как-никак его на целый час оторвали от чтения.

Я посмотрел на Вулфа сверху вниз:

— Если вы рассчитываете на извинения, то не надейтесь. Когда вы отпускаете личные замечания в мой адрес в присутствии посторонних, мне приходится реагировать.

— Конечно. — Вулф поднял голову. — Ты всегда реагируешь. Я сейчас как раз на середине главы.

— Я этого не знал. А относительно того, что я впустил его без спроса, не предупредив вас, ведь бывают исключения...

— Ба! Ты просто хотел проверить, узнаю я его или нет. Узнал, хотя и не сразу. Только когда услышал его имя. А ты?

— Если честно, то нет. Ни лица, ни голоса. Впрочем, я, как и вы, узнал фамилию. — Я решил продолжать. Если уж врешь, то лучше врать напрапалую. — В любом случае мы имеем дело с новым подходом к гражданским правам. Она имеет полное право выйти замуж за любимого мужчину — и вы только посмотрите, кто пытается ее остановить. У него еще хватило наглости цитировать вашу речь.

— Я его должник, — проворчал Вулф.

— Ага. Так мы действительно собираемся взяться за дело Уиппла?

— Не мы, а ты.

— Вы перепоручаете это мне?

— Нет. Мы обсудим это позже.

— Да тут нечего обсуждать. Что бы мы на нее ни нарыли, Уиппл наверняка...

В коридоре послышались шаги, и появившийся на пороге Фриц пригласил нас к столу. Вулф отложил книгу и, погладив ее кончиками пальцев, встал с места.

ГЛАВА 2

Тот памятный разговор состоялся в понедельник, 24 февраля. А сорок два часа спустя я встретился за ланчем со Сьюзан Брук в пентхаусе Лили Роуэн на Шестьдесят третьей улице между Мэдисон-авеню и Парк-авеню.

В случайном наборе фактов, представленных Уипплом, мы не нашли ничего такого, за что можно было зацепиться. Четыре года назад мисс Брук окончила колледж Рэдклифф и вскоре после этого переехала в Нью-Йорк. Теперь она жила с семьей своего женатого брата, инженера-электронщика, в его квартире на Парк-авеню. Там же жила и мать мисс Брук. Уиппл считал, что они родом из города Расина, штат Висконсин, хотя и не был в этом уверен. Уиппл также точно не знал, была ли мисс Брук финансово независима. Он мог только предполагать, поскольку девушка уже более двух лет бесплатно работала волонтером в Комитете по защите гражданских прав и за это время сделала пожертвования на общую сумму 2350 долларов. Никакой офисной работы. Она устанавливала контакты и организовывала вечера и собрания для сбора пожертвований.

Этим знания Уиппла ограничивались, за исключением пары бесполезных мелких деталей и еще более бесполезных догадок.

Идея пригласить мисс Брук именно к Лили Роуэн, естественно, принадлежала мне, поскольку Лили была моей подругой, а не Вулфа. Моим первым предложением, сделанным в понедельник сразу после обеда, было позвонить Томасу Хенчи, исполнительному директору КЗГП, и сообщить ему, что мистер Вулф подумывает о том, чтобы сделать солидный взнос, и лучшим кандидатом для разговора с Вулфом будет мисс Сьюзан Брук, так как, насколько мне известно, она производит хорошее впечатление на мужчин. Однако Вулф наложил вето на мое предложение на том основании, что, во-первых, он будет вынужден сделать внушительное пожертвование, не меньше штуки баксов, а во-вторых, я намного дальше продвинусь в налаживании контактов с привлекательной молодой женщиной, если его,

Вулфа, не будет рядом. Конечно, настоящей причиной отказа было то, что мисс Брук была женщиной. Вулфу много чего нравилось в его старом особняке из бурого песчаника на Тридцать пятой улице: мебель, ковры, книги, звукоизоляция; оранжерея на крыше и садовник Теодор Хорстман, специалист по орхидеям; большая кухня с поваром Фрицем Бреннером и, наконец, я как воплощение мужества и мышечной силы. Но больше всего Вулфу нравилось то, что в доме нет женщины, и его вполне устроило бы, если бы ни одна особа женского пола никогда не пересекала порог его особняка.

Поэтому я выдвинул кандидатуру Лили Роуэн, для которой штука баксов — это семечки, и Вулф нашел мое предложение приемлемым. Когда тем же вечером я позвонил мисс Роуэн, она ответила, что не собирается обсуждать грязную работу по телефону и мне стоит приехать лично. Я поехал и в результате вернулся на Тридцать пятую улицу только в четверть третьего утра. Проспав восемь часов мертвым сном, я спустился в кабинет в начале двенадцатого, когда Вулф уже спустился после утренней двухчасовой сессии с орхидеями. Около полудня позвонила Лили. Мисс Брук прибудет к ней на ланч в час дня, ну а я могу прийти пораньше, чтобы дать соответствующие инструкции.

Две мили пешком через город, а затем по Шестьдесят третьей улице — мой любимый маршрут для прогулок, хотя в ту среду мне понадобились все мое мужество и мышечная сила. Когда на улице 20 градусов по Фаренгейту¹, а на каждом углу в лицо врзается прилетевший с Гудзонова залива снежный заряд, заклепывая рот и заставляя сгибаться пополам, тебе приходится стиснуть зубы, чтобы спокойно пройти мимо манящих дверей магазинов, баров и холлов

¹ Около -7°C .

отелей. И вот, наконец оказавшись на месте, я стряхнул снег с пальто и шляпы сперва под навесом, затем — в вестибюле, сел в лифт, нажал на кнопку и увидел на пороге пентхауса Лили.

— Ближайшую постель! — попросил я.

Она подняла одну бровь — трюк, которому научилась у меня.

— Попробуй соседнюю дверь. — Она провела меня в квартиру. — Неужели ты решил прогуляться?!

— Конечно. Можешь назвать это прогулкой. — Я повесил пальто и шляпу в шкаф. — Альпинисты прогулялись до вершины Эвереста, а я прогулялся до твоего дома.

Взявшись за руки, мы вошли в гостиную с кашанским ковром с растительным узором в семь красок, размером 19 на 34 фута, с полотнами Ренуара, Мане и Сезанна на стенах, с фортепьяно цвета слоновой кости и стеклянными дверьми на террасу, где ветер играл в пятнашки со снегом. Когда мы сели, Лили, вытянув ноги параллельно друг другу, пробормотала:

— Ноги антилопы.

— Во-первых, это было давным-давно. А во-вторых, я тогда сказал, что ты похожа на антилопу в стаде коров. А теперь давай лучше обсудим мисс Брук, хотя она вряд ли появится в такую погоду.

Но она все-таки появилась, опоздав всего на десять минут. Лили велела горничной встретить гостью и пошла ей навстречу, остановившись в арочном проеме между прихожей и гостиной. Я стоял в центре кашанского ковра, и меня представили как мистера Гудвина, бизнес-консультанта.

Описание Уиппла оказалось явно необъективным. Она вовсе не была тощей. Миниатюрная, на пару дюймов ниже Лили, которая едва доходила мне до мочки уха, гладкая светлая кожа, каштановые волосы, карие глаза, пухлые гу-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО УМЕРЕТЬ <i>Перевод О. Александровой</i>	5
ЗВОНОК В ДВЕРЬ <i>Перевод О. Александровой</i>	205
СМЕРТЬ СОДЕРЖАНКИ <i>Перевод А. Санина</i>	393